

Глава 1: Человек, стоящий за цифрами

Он винил книги и фильмы. Они нарисовали слишком привлекательную картину гангстерской жизни — крутую, бунтарскую и дерзкую. В глубине души он знал, что винить себя глупо, что это удобный козел отпущения за тот выбор, который он сделал.

Но винить себя? Он никогда не смог бы этого сделать.

На Земле была старая поговорка, которая, казалось, описывала его жизнь подобно навязчивой мелодии: "Ты можешь убежать от всего, кроме своей кармы".

Вопреки тому, что показывали в фильмах о гангстерах, он не был стереотипным боссом мафии или мускулом, стоящим за операциями. Нет, он был мозгом. Человеком, который вел бухгалтерию, который следил за тем, чтобы цифры складывались, который вел дела небольших мафиозных семей.

Родившийся в семье, где всегда ценились образование и честность, он был вундеркиндом в молодые годы. Учителя говорили, что он был гением, всегда успевал по всем предметам, всегда был на шаг впереди. Он даже получил высшее образование в области бухгалтерского учета, области, которая обещала стабильное и уважаемое будущее. Но этот интеллект, этот острый как бритва ум стали его падением. Он думал, что слишком умен для своего же блага, слишком умен, чтобы быть ограниченным рамками работы с девяти до пяти.

Он видел возможности там, где другие видели риски, лазейки там, где другие видели стены. И поэтому, вместо того чтобы использовать свои навыки в законных целях, он выбрал путь быстрых и легких денег. Не успел он опомниться, как оказался по уши в мире, о котором когда-то читал только в криминальных романах — управлял финансами преступных организаций, готовил их книги и следил за тем, чтобы их несправедливо нажитые доходы казались законными.

Поговорка "Ты становишься компанией, которую содержишь" никогда не казалась более правдивой. Окруженный людьми, которые жили на грани, он обнаружил, что теряет чувствительность к действиям, которые были не только сомнительными с моральной точки зрения, но и откровенно незаконными. Деньги текли рекой,

Но у него были свои границы. Он мог переварить действия, которые уносили жизни; такова была цена ведения бизнеса в его мире. Но когда дело дошло до лишения людей свободы, особенно когда он сам был вынужден работать на крупного босса мафии, потому что был слишком хорош в том, что делал, — вот где он подвел черту.

Он заставил себя поверить, что чувствует себя так, потому что в нем осталась крупица человечности. Правда заключалась в том, что он был просто эгоистом. Поскольку он был вынужден выполнять приказы более крупного босса и у него отняли свободу, он обнаружил, что презирает тех самых людей, на которых работал, тот самый мир, к которому он с таким рвением присоединился.

Его извращенный гнев на своего работодателя перерос в жадность. Он начал снимать сливки с верхушки, выкачивая деньги из бизнеса мафии. По его мнению, они это заслужили. В конце концов, они были преступниками, и он просто получал свою справедливую долю добычи. Но у кармы есть забавный способ настигнуть вас. Одной судьбоносной ночью боссы послали своих морально обанкротившихся приспешников к нему домой. Он обнаружил, что смотрит в дуло пистолета, держа билет в один конец туда, где, как он предполагал, будет ад. За исключением того, что его ждал не ад. Он почувствовал, как пуля пронзила его плоть, и на мгновение время, казалось, остановилось

Медальон на его шее светился. Этот медальон был семейной реликвией, подаренной его бабушкой. Он знал, что с древних времен его семья всегда была набожными поклонниками богини знания и гармонии. Говорили, что в древние времена было много богов и мир был полон чудес. Но со временем чудеса прекратились, и большинство богов были забыты. Его семья была одной из немногих, кто сохранил веру в жизнь даже после того, как почти все человечество забыло о них. Свечение продолжалось некоторое время, затем он потерял сознание. Когда он снова пришел в сознание, то ничего не мог видеть или чувствовать; он не был уверен, где находится.

Затем он услышал голос, голос настолько далекий, что казалось, будто он исходит из вечностей, из сфер настолько непостижимых, что они не поддавались никакому пониманию. Он был громopodobным и в то же время женственным, отдаваясь эхом в пустоте, как будто он искал долгое—долгое время - искал в настоящем и никогда, в вечности и во веки веков. "Как удачно, что я наконец-то нашел кого-то. На тебе моя метка, малышка", - нараспев произнес голос. "Ты можешь думать, что только что умерла, но я искал душу, подобную твоей, кажется, целую вечность. Ты не просто благословенна, юная; ты - последнее доказательство нашего существования. Возьмите все, что от нас осталось, и разумно используйте это. Мы не хотим, чтобы вы мстили за нас, но чтобы вы жили, выживали и воплощали то, чем мы были — истинными. Ваше выживание станет доказательством нас в нескончаемой вечности, громким ответом тем голодным, жадным существам, которые берут все без последствий и раздумий. Считайте себя избранными!"

Каждое слово, произнесенное далеким женским голосом, заставляло его душу трепетать, как будто каждый слог нес вес целых вселенных. Хотя он не мог говорить, даже если бы мог, он бы не осмелился. Говорить об этом казалось богохульством. Его душа ощущала огромное, необъяснимое давление, ощущение настолько сильное, что проявлялось в виде фантомной боли в шее, которой у него физически больше не было. Это был парадокс, противоречие, не поддающееся логике. Как он мог чувствовать себя обремененным, когда у него не было тела, чтобы испытывать такие ощущения? Тем не менее, тяжесть была неоспоримой, как будто далекий голос наполнил его чем-то настолько тяжелым, что это превзошло отсутствие его физической формы. Это было мучение, которое ощущалось мучительно близким к аду, ощущение, из-за которого окружающая атмосфера казалась еще более тусклой и удушающей, чем она уже была. Он не мог дышать, но, как это ни парадоксально, он также не мог умереть. Это было так, как если бы он нес монументальное бремя, дар или, возможно, проклятие от этого далекого голоса, что-то настолько глубокое, что это затронуло саму суть его существа.

Продолжая парить в этом неземном пространстве, он обнаружил, что огромное давление, необъяснимая ноша, которая когда-то давила на него, начала уменьшаться. Это было так, как будто тяжесть впивалась в саму ткань его души, становясь частью его самого. Со временем то, что когда-то казалось монументальной ношей, теперь ощущалось как неотъемлемая часть его существа. Это больше не было чем-то, что он нес; это был он сам. Пока он плыл, само время, казалось, теряло свое значение в этом пространстве, становясь текучим, почти неуместным понятием. Он плыл так долго, что само понятие времени, возможно, потеряло свое значение, даже если оно и имело какое-то значение изначально. Ощущение бесконечного парения заставило его задуматься о голосе, который он слышал, о существе, которое говорило с ним.